

Розовое и черное изъ моей жизни.

(Посвящается А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой).

Марія Владиміровна Безобразова, дочь академика, Владиміра Павловича и писательницы Елизаветы Дмитріевны, род. 29 мая 1857 г. въ Петербургѣ, получила первоначальное образование въ пансіонѣ Мезе. 16 лѣтъ держала экзаменъ на домашнюю учительницу, взявъ все предметы главными, въ 1876 г. окончила педагогическіе курсы при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ по отдѣленію русскаго языка, была съ 1880—83 гг. учительницей новыхъ языковъ въ Вяземской женской гимназіи, а съ 1883—85 г. начальницей пятиклассной прогимназіи въ г. Жиздрѣ (Калужской губ.), гдѣ преподавала естествовѣдѣніе, географію и исторію. Потомъ поѣхала заниматься философіей въ Лейпцигъ, гдѣ въ 1887 г. появилась ея работа „Ueber Plotin's Glückseligkeitslehre“ (Ученіе Плотина о счастіи). Въ 1888 г., 26 января, прочла первую публичную лекцію въ Москвѣ „О значеніи Канта“ и потомъ провела 2 семестра въ Цюрихскомъ университетѣ. Въ 1891 г. получила степень доктора философіи Бернскаго университета, при чемъ диссертация „Handschriftliche Materialien zur Geschichte der Philosophie in Russland“ была плодомъ изысканій въ рукописныхъ отдѣленіяхъ Румянцевскаго Музея, Публичной бібліотеки, Чудова монастыря, духовныхъ академій Петербургской, Московской и Кіевской Мысль о существованіи философіи въ Россіи въ древнія времена всецѣло принадлежитъ М. В., и никому не приходило раньше въ голову изслѣдовать съ такой цѣлью рукописи. Въ 1897 г. сочиненіе подъ заглавіемъ „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи“, представленное въ Академію Наукъ на премію митрополита Макарія, получило почетный отзывъ. Нѣсколько главъ были напечатаны въ „Извѣстіяхъ Академіи“, „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и „Богословскомъ Вѣстникѣ“. М. В. прочла два курса по исторіи философіи всеобщей и русскаго въ Москвѣ и 8 лекцій по введенію въ философію въ Петербургѣ. Читала кромѣ того публичныя лекціи въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Тамбовѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ, Вязмѣ, Рославлѣ, Твери, Либавѣ и— въ Русскомъ кружкѣ въ Вѣнѣ,—всего до 70 разъ.

Какъ дѣятельный членъ Русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго Общества, М. В. основала 2 кружка—домашнихъ чтеній и этическій въ 1899 г., вступившій теперь подъ ея руководствомъ въ 11 годъ своего существованія. По ея мысли основано Философское Общество при С.-Петербургскомъ университетѣ, Вяземская общественная библіотека и народное училище Дмитровскаго у. Московской губ.

М. В. принимала живое участіе въ „Женскомъ Дѣлѣ“ А. К. Пѣшковой-Толнѣровой, въ ея же „На помощь матерямъ“, а теперь участвуетъ въ „Воспитаніи и Обученіи“ Н. А. Альмедингенъ. Отдѣльными изданіями появились: „Философскіе этюды“, „Краткій обзоръ исторіи философіи“, „Публичныя лекціи“, „Мысли и афоризмы“, „О Русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ Обществѣ“¹⁾.

Ред.

¹⁾ Венгеровъ. Краткій біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ вып. 28, Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона, т. III, Малый энциклопедическій словарь, т. I, стр. 412.

уществуютъ странные люди, къ которымъ я несомнѣнно принадлежу, и потому и рассказывать о себѣ я не могу такъ, какъ это дѣлаютъ другіе; къ тому же не знаю, стоитъ ли это дѣлать, можетъ ли быть интересно то, что я могу сказать?

Потомъ, когда я хочу что-нибудь рассказать, то наталкиваюсь на одну большую трудность—я не умѣю рассказывать или не владѣю той формой, въ которой ведется обыкновенно повѣствованіе.

Тотъ языкъ, который я себѣ выработала, по возможности кратко передаетъ содержаніе моихъ мыслей—онъ прежде всего точенъ и сжатъ, а съ такимъ языкомъ нельзя приступать къ повѣствованію. Или пропустишь то, что съ моей точки зрѣнія не заслуживаетъ вниманія, или же впадешь въ другую крайность—начнешь размазывать.

И потому я заранѣе прошу о снисхожденіи всѣхъ тѣхъ, которые будутъ читать эти строки—я не родилась повѣствовательницей.

Можетъ быть, удивить еще больше, когда я скажу, что не родилась женщиной. Не воскресъ ли во мнѣ потомокъ какой-нибудь современницы матриархата, или въ меня не вошло чего-то, что въ теченіе вѣковъ обуславливало собой тотъ типъ женщины, которую мы всѣ знаемъ—итогъ ея порабощенія. Моей натурѣ чужды всѣ чисто женскіе элементы женщины, чуждо ея порабощеніе.

Съ самаго ранняго дѣтства я чувствовала, что не родилась дѣвочкой.

— Не ошиблась ли Луиза Христіановна, меня принимавшая, былъ вопросъ, который я не разъ задавала.

Но нѣтъ, она не ошиблась.

Я родилась не только дѣвочкой, но даже красивой дѣвочкой, и всѣ тѣ знаки вниманія, которые мнѣ оказывали, должны были разубѣдить меня въ возможности фізіологической игры природы.

Драма была на духовной почвѣ. Всѣ мои психическіе задатки и способности не вязались съ тѣмъ, что обыкновенно природа даетъ женщинѣ, всѣ мои вкусы шли въ разрѣзъ съ издавна сложившимся строемъ жизни этой пресловутой дѣвочки.

Я не только никогда не играла въ куклы, но возненавидѣла поводъ, по которому ихъ дарятъ—елку. На елку пріѣзжали тѣ старшіе родные, для которыхъ мои молодые родители не были законодателями и не могли имъ сказать: „не дарите“. Эти старшіе заваливали меня, какъ первенца, аршинными куклами, ихъ кроватками,

шкапиками и другой дребеденью, а я была несчастна не потому только, что все это было мнѣ не нужно, а по совсѣмъ другой причинѣ. Мнѣ надо было показать благодарность, даже радость. Какъ неглупая дѣвочка, я знала, что это было необходимо, а между тѣмъ для меня всего тяжелѣе была ложь. Потому-то я искренно радовалась, когда проходилъ этотъ несносный вечеръ, уѣзжали старшіе, провожаемые всѣми знаками почтенія, и я могла забросить пли, лучше сказать, забыть аршинныхъ куколъ, пищавшихъ „мама“. Для меня не было бѣльшаго праздника, чѣмъ когда мы съ братьями принимались опустошать елку, и я могла поиграть въ ихъ игрушки. Я совсѣмъ не была выше игрушекъ. До сихъ поръ помню одинъ подарокъ отца—онъ подарилъ мнѣ его задолго до елки такъ же, какъ и я, сгорая отъ нетерпѣнія. Какъ сейчасъ, вижу эти бѣлыя сани, такія большія, что въ нихъ могли усѣсться оба брата, съ облучкомъ для меня—сани, запряженные парой вороныхъ въ серебряной сбруѣ. Сбруя снималась и надѣвалась, и моему блаженству не было конца. Милый папа зналъ, что подарить.

Отецъ кончилъ курсъ съ серебряной медалью въ Александровскомъ лицѣѣ и 23 лѣтъ женился на своей троюродной сестрѣ Масловой. Матери было только 18 лѣтъ. Она воспитывалась за границей и знала по-французски лучше, чѣмъ по-русски. Сестры ея даже едва говорили на своемъ родномъ языкѣ, а вышли обѣ за провинціаловъ. Двѣ сестры отца всю жизнь провели въ провинціи и оказались замужемъ за итальянцами—одна даже за ревнивымъ сициліанцемъ, доведшимъ ее до чахотки,—другая за извѣстнымъ санскритистомъ Дегубернатисомъ. Отецъ очень быстро шелъ по службѣ, чуть не 25 лѣтъ былъ начальникомъ отдѣленія, а 32 л. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. И отецъ, и мать оба писали.

Лѣтомъ разыгрывалась фантазія матери. Съ нетерпѣніемъ ждала я своихъ именинъ, зная, что она готовитъ мнѣ сюрпризъ. Но то, что она дарила, всегда превосходило мой ожиданія. За деревяннымъ топоромъ слѣдовала маленькая соха съ желѣзными лемехами.—соха, въ которую я впрягала братьевъ, и наконецъ явилась коса въ сообществѣ бруска въ брусочницѣ и молотка съ бабкой.

Когда этой настоящей маленькой косой я выкашивала нашъ, такъ называемый, чистый дворъ, ремешокъ брусочницы опоясывалъ красную кумачную рубашку съ косымъ воротомъ, а внизу торчали высокія голенища сапоговъ. Лѣтомъ мать уступала моей слабости и позволяла мнѣ ходить въ рубашкѣ. Но за то зимой мнѣ оставалось только завидовать. У этихъ счастливыхъ мальчиковъ были такіе красивые синіе кафтаны съ золотыми пуговками, отороченные сѣрымъ барашкомъ, и къ довершенію моей зависти еще красные чушаки и шапки, а я... ходила въ салопѣ и капорѣ.

Мои прогулки въ городѣ были отравлены этими атрибутами „дѣвочки“. Мнѣ было неловко въ нихъ, и они казались мнѣ некрасивыми.

Въ рубашкѣ было такъ удобно вскочить въ телѣгу, править, лазить на каждое дерево.

Я ѣздила, правда, въ платьѣ на козлахъ нашего большого крытаго тарантаса, потому что уговорить меня сѣсть въ клѣтку было трудно, и править я любила больше всего на свѣтѣ, пока не стала ѣздить верхомъ, и тогда править показалось мнѣ уже скучнымъ.

Кучеръ былъ нерѣдко пьянъ, какъ это подобаетъ деревенскому кучеру, и я совсѣмъ одна справлялась съ тройкой. Я изучила всѣ нехитрые приемы этого управленія, и лошади меня слушались: возжей я не дергала,—для этого я слишкомъ любила лошадей. Любила и собакъ и помню, какъ 4-хъ лѣтъ ничѣмъ не сумѣла угостить собаку, кромѣ освященной просфоры, и до чего всѣ перепугались.

Уже если я завидовала братьямъ, то еще больше кучеру, у котораго все было настоящее. Его шляпа съ павлиньими перьями и наборный поясъ были лучше того, что носили мальчики.

Но хотя у меня не было ни шляпы съ павлиньими перьями, ни кушака, за то уже въ 13 лѣтъ у меня была собственная лошадь. Не зная, что мнѣ покупать, отецъ давно дарилъ мнѣ деньги, и на нихъ-то я купила лошадку.

Хотя „Каренькую“ не только кормила на свой счетъ бабушка (въ ея имѣніи мы жили всегда лѣтомъ), но моя лошадка и пахала, и возила навозъ и сѣно, все же я каталась на ней раза 2 въ недѣлю, а остальное время заботилась о томъ, чтобъ ее не мучили. Впрочемъ, бабушка и сама любила лошадей, и имъ жилось у нея хорошо.

Мое мальчишество не нравилось старушкѣ. Она пыталась иногда читать мнѣ наставленія, хотя и дѣлала это въ очень мягкой формѣ.

„Зачѣмъ мама тебѣ это позволяетъ? Развѣ дѣвочкѣ можно“?

И я вспыхивала, хотя бабушка была такая добрая и слабая, что на нее нельзя было сердиться. Къ тому же она и сама меня опасалась: то же, какъ я проводила время, подкупало ее въ мою пользу.

А именно лѣтомъ я вся отдавалась своему садику.

Бабушка отвела мнѣ лужокъ за домомъ, и на этомъ лужкѣ я устроила себѣ садъ-огородъ. Были у меня тамъ и цвѣты, и овощи, и ягодные кусты, цвѣла и поспѣвала клубника. Очень занимала меня компостная куча, которую я постоянно перелопачивала, но не помню, чтобъ мои урожаи отличались обиліемъ. Напротивъ, у бабушки хотя и не было компоста, все родилось несравненно лучше. Мой уголокъ былъ слишкомъ тѣнистъ и не удобренъ издавна, какъ

бабушкинъ огородъ. Тѣмъ не менѣе я гордилась своимъ садикомъ и его не бросала—чуть ли не до 18 лѣтняго возраста. Тутъ стало уже не до него, и какъ жаль, что стало такъ.

Мое дѣтство въ деревнѣ неразрывно связано съ сосѣдями по имѣнію, именно, двумя дѣвочками однихъ со мной лѣтъ. Мы проводили два дня въ недѣлю вмѣстѣ и проводили ихъ неизмѣнно... въ банѣ. Баня изображала избу, а мы мужиковъ. Мужики производили всѣ сезонныя работы. Роли были распределены разъ навсегда: самая энергичная изъ насъ была хозяйномъ, ея сестра—хозяйкой, а я—работникомъ. И мы совсѣмъ уходили въ свою крестьянскую жизнь.

Теперь, когда я вспоминаю эту игру, мнѣ всегда кажется, что мы предугадали въ ней свою судьбу. Хозяинъ дѣйствительно сталъ хозяйномъ, управляетъ образцово имѣніемъ, тѣмъ самымъ, гдѣ мы играли въ банѣ, хозяйка также хорошо ведетъ свое городское хозяйство, а я... такъ и осталась работникомъ, чѣмъ была въ банѣ.

Хорошо жилось въ деревнѣ и, когда наступала осень, не хотѣлось въ городъ. Не то, чтобъ я не любила учиться, но весь складъ городской жизни, заключенной въ стѣнахъ, и атрибуты дѣвочки были мнѣ противны.

Всего менѣе пришла я ко двору въ пансіонъ, куда ходила съ 10 лѣтъ.

Это былъ очень приличный нѣмецкій пансіонъ, гдѣ воспитывалось 3-е поколѣніе дѣвочекъ тихихъ и выдержанныхъ, готовившихся стать со временемъ добрыми Hausfrauen и Mütter' а до тѣхъ поръ усердно зубрившихъ то, что полагалось зубрить. И среди нихъ вдругъ очутилась я—этотъ русскій сорванецъ, добрый товарищъ моихъ братьевъ, для которыхъ я оказывалась очень часто слишкомъ бойка, когда ихъ муштровала и находила, что они не умѣютъ войти во вкусы лошадей и плохіе кучера.

Что было мнѣ дѣлать въ пансіонѣ! Моей удали не было никакого исхода, и во все время существованія этого пансіона, съ тѣхъ поръ, какъ велась толстая черная книга, именуемая „журналъ“, ни у кого еще никогда не было такихъ балловъ за поведеніе. Я оставалась одна и сама по себѣ въ этомъ отношеніи. Меня такъ много и часто бранили, что я давно перестала слушать и интересоваться тѣмъ, что мнѣ собственно говорили. Помню, что мнѣ пророчили адъ, но я не боялась и ада. Когда я была въ младшихъ классахъ, моя классная дама—нѣмка даже выдумывала для меня особенныя наказанія, никогда въ пансіонѣ не существовавшія и вѣрно послѣ меня канувшія въ вѣчность. Она отправляла меня завтракать въ отдѣльную комнату, а я этимъ гордилась.

Ни баллы, ни наказанія не производили на меня ни малѣйшаго

впечатлѣнія: я такъ же мало обращала на нихъ вниманія, какъ на слова, и продолжала жить по-своему. Предосудительнымъ я считала говорить по - французски и по - нѣмецки (я недурно уже говорила дома), а напротивъ стремилась обучить лучшему выговору своихъ товарокъ - нѣмокъ, которыя немилосердно коверкали русскій языкъ. И совершалось то великое чудо, что нѣмочки, не боясь даже замѣчаній, отвѣчали мнѣ по-русски, и я отъ души могла радоваться ихъ успѣхамъ, за которые мнѣ столько доставалось. У нѣмочекъ же я ничему не научилась.

Въ классѣ я или читала русскую книгу, или писала сочиненіе; слушать, какъ по 10-ти разъ отвѣчаютъ то же самое, казалось мнѣ нестерпимо скучнымъ. И все это дѣлалось на глазахъ учителей, такъ какъ я никогда не скрывала того, чѣмъ занималась. Меня оставляли въ покоѣ, потому что сдѣлать со мной все равно ничего не могли.

Учителю французскаго языка, возлѣ котораго я имѣла удовольствіе сидѣть (я была у него второй ученицей, а мы помѣщались за длиннымъ столомъ по рангамъ и сидѣли на стульяхъ), я даже сама читала наставленія, когда мнѣ казалось, что онъ недостаточно внимательно слушаетъ то, что ему отвѣчаютъ. Онъ мнѣ надоѣдалъ тѣмъ, что на меня смотрѣлъ и на мой вопросъ. „Que me regardez vous“ всегда увѣрялъ: „J'étudie votre caractère“.

Уроковъ дома я никогда не учила, а только въ классѣ. Дома я читала и со страстью играла на роялѣ, потому что мнѣ нравилась моя учительница музыки (ученица Антона Рубинштейна), и хотѣлось доставить ей удовольствіе. Таланта же къ музыкѣ у меня не было, какъ вообще не было никакихъ талантовъ.

Моя жизнь въ пансіонѣ протекала довольно спокойно—я умѣла избавить себя отъ всѣхъ скучныхъ обязанностей, которыя на мнѣ лежали, и училась исподволь. Я не знала, что такое переутомленіе, и не понимала самолюбія хотѣть быть первой ученицей. Съ удивленіемъ пожимала я плечами, когда меня бранили за то, что я недостаточно хорошо учусь. Вѣдь въ числѣ же лучшихъ я, думалось мнѣ, когда я постигала наконецъ, за что мнѣ досталось на этотъ разъ.

„А баллы, какое мнѣ дѣло до ихъ балловъ“, недоумѣвала я, сидя за Гоголемъ или Тургеневымъ и уносясь въ иной міръ. Все равно умремъ, все суета суеть и, когда человѣкъ живетъ на землѣ такъ недолго, стоитъ ли заботиться о балахъ! Въ моихъ глазахъ это было верхомъ суеты, и отъ этой суеты я была избавлена или избавила себя сама.

Мысль о смерти не давала мнѣ покоя. Совсѣмъ еще маленькой

дѣвочкой я видѣла страшные сны: себя въ гробу и пробужденіе потомъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ моихъ сновъ, который развивался во всѣхъ подробностяхъ и, какъ это бываетъ со снами, часто повторяющимися, у него была своя обстановка, и я относилась къ этому сну, какъ къ чему-то своему и родному.

Когда я стала старше, мысль о смерти являлась мнѣ и наяву и принимала образъ нирваны. Въ любое время дня или ночи я могла представить себѣ, что болѣе не существую, и уничтожались для меня время и пространство. Ничего болѣе ужаснаго не могу вообразить до сихъ поръ. Когда нѣтъ времени и пространства, то нѣтъ ничего, и состояніе безпредѣльной пустоты, чего-то худшаго, чѣмъ пустота, потому что пустота все еще наше человѣческое понятіе, внезапно меня охватывало. Я выходила изъ этого сомнѣнія, произнося обыкновенно одно слово „мама“, и направлялась къ матери ближайшимъ путемъ.

Разъ я перелѣзла черезъ комодъ, потому что путь по полу показался мнѣ длиннымъ. Только когда я видѣла близкаго человѣка, состояніе это проходило. Въ немъ я изучила понятія пространства и времени и убѣдилась, что безъ нихъ человѣкъ не можетъ жить. Все обращается въ ничто, когда нѣтъ времени и пространства, было мнѣ ясно задолго до того, какъ я читала Канта.

Рано начала я читать все то, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ философіи. Никто мнѣ этого не говорилъ, но я чутѣмъ знала, что тѣ вопросы, которые меня мучаютъ, создали философію, и философы тѣ люди, которые одни могутъ меня утѣшить и успокоить. У нихъ искала я разрѣшенія вѣчныхъ вопросовъ о происхожденіи міра и его будущемъ,—разрѣшеніе и разгадку того, что составляло мою внутреннюю жизнь. Объ этомъ я не говорила даже съ матерью, хотя была съ ней дружна и рассказывала ей много такого, чего обыкновенно не говорятъ матерямъ.

Я еще не была въ пансіонѣ, когда мнѣ попалась въ дѣтскомъ журналѣ психологія, которую я списала и хранила, какъ святыню. Изъ этого же источника почерпнула я, вѣрно, правила жизни Франклина—другое мое сокровище, занесенное въ тетрадку. Когда давали урокъ исторіи, я шла въ кабинетъ отца и въ его просторномъ нѣмецкомъ Веберѣ читала о томъ періодѣ, который у насъ проходилъ, но читала только то, что дѣлали въ это время философы. Я не всегда учила урокъ—какое мнѣ было дѣло до войнъ и суеты королей, но я всегда читала въ Веберѣ о томъ, что составляло для меня содержаніе жизни.

Мать рано начала удовлетворять моей страсти къ чтенію. Въ то же время начались и мои первые литературные опыты, которые

были такъ же неудачны, какъ и многіе послѣдующіе. Помню, какъ я сидѣла надъ первымъ дѣтскимъ чтеніемъ — сказками и всѣми своими силами пыталась выкинуть изъ нихъ волшебный элементъ. Иногда мнѣ казалось, что я нашла рѣшеніе, и я долго радовалась, но, потомъ обыкновенно разочаровывалась. Волшебный элементъ былъ такъ крѣпко вплетенъ въ сказку, что когда я замѣняла его естественнымъ, то ничего не оставалось. Я чувствовала, что ничего не выходитъ и моя работа пропала.

Когда сказки замѣнились нравоучительными повѣстями въ родѣ „Квичи“ и *Le Vaste monde*“, я до того сжилась съ ихъ героинями, что начала проводить въ жизни то, что дѣлали эти дѣвочки. Въ этихъ повѣстяхъ особенно часто шла рѣчь о суетѣ мірской—истинный міръ, міръ религіи не имѣлъ ничего общаго съ нашей жизнью. Иногда я помышляла даже о томъ, чтобы обратиться къ своимъ близкимъ съ вопросомъ о томъ, почему они такъ мало думаютъ о будущей жизни и не дѣлаютъ того, исполнять что мнѣ казалось просто. Иногда я представляла себѣ, что придетъ тотъ день, когда я это скажу всѣмъ людямъ—они поймутъ меня, увѣруютъ и перестанутъ грѣшить.

Но какъ ни казалось просто то, что надо дѣлать, насталъ тотъ день, когда я и сама разочаровалась въ томъ, чему прежде такъ горячо вѣрила.

Произошло это въ Италіи, гдѣ мы проводили осень. Былъ ли то переходный возрастъ—14 лѣтъ, вліяніе католицизма съ его процессіями и мадоннами въ платьяхъ или разговоры дяди-атеиста, которые доносились до меня урывками изъ другой комнаты—вѣрно все вмѣстѣ взятое заставило меня рѣшить, что религія лишь измышленіе, иллюзія и фантазія человѣка.

Вернувшись въ пансіонъ, я стала мучить несчастныхъ нѣмочекъ и ежеминутно ихъ спрашивала:

— Вѣришь ли ты?

Когда мнѣ говорили, что „да“, я скорѣе отвязывалась, чѣмъ когда слышала „не знаю“. Все мое негодованіе изливалось на произносившую такія глупыя, по моему мнѣнію, слова.

— Какъ можешь ты говорить „не знаю“, когда это самое важное въ жизни,—громила я несчастную дѣвочку и объясняла ей всю важность вопроса.

Не помню, чтобъ я когда-нибудь говорила, что сама не вѣрю, а тѣмъ болѣе, чтобъ развивала свои мотивы. Отъ меня этого никто не требовалъ, и я считала нужнымъ молчать.

Только разъ помню, что возбудила споръ въ классѣ, который долго насъ занималъ.

Рѣчь шла о томъ, какъ мыслить человѣкъ — словами или не-словами. Началось съ того, что я по своему обыкновенію приста-вала къ одной изъ нѣмочекъ и на этотъ разъ дразнила ее тѣмъ, что она думаетъ по-нѣмецки. Дѣвочка эта говорила по-русски лучше всѣхъ, была даже православная, а все же я увѣряла, что она нѣмка, и въ доказательство и привела этотъ свой аргументъ.

Она отвѣтила мнѣ такъ, какъ я вовсе не ожидала.

— Совсѣмъ не думаю словами.

— Какъ не думаешь!—накинулась я на нее.—Нельзя думать безъ словъ! Каждый человѣкъ думаетъ словами!

— А вотъ,—объясняла она мнѣ,—придетъ къ намъ въ классъ Флѣри, неужели ты себѣ это говоришь, а я такъ представляю себѣ его вицмундиръ, лысину....

Меня осѣнило, что я была неправa. Да, конечно, и я, когда думаю, что Флѣри придетъ въ классъ, представляю себѣ его, а не говорю слова. Но какъ же это однако? Есть такія вещи, о которыхъ безъ словъ совсѣмъ нельзя думать, и я вспоминала свои излюб-ленные „добродѣтель, вѣра, грѣхъ“. Да, нельзя—кто же правъ—Лейшке или я?

И кто бы ни входилъ къ намъ въ классъ—былъ ли то учитель ариѳметики, географіи или рисованія, которая-нибудь изъ нѣмокъ непремѣнно докладывала, что его просятъ отвѣтить на одинъ во-просъ: „Какъ думаетъ человѣкъ?“

И учителя путали и путали. Изъ ихъ объясненій я ничего не вынесла и такъ и осталась съ убѣжденіемъ, что это трудный во-просъ, пока не узнала, что мы спорили о понятіяхъ и представле-ніяхъ и никакъ не могли прійти къ соглашенію, что нужны и тѣ, и другія.

Хотя этотъ споръ имѣлъ мало отношенія къ воззрѣніямъ Лейб-ница и Локка на прирожденные и приобрѣтенныя идеи, тѣмъ не менѣе ихъ разногласіе было мнѣ всегда особенно понятно и близко, чѣмъ-то совсѣмъ своимъ благодаря нашему спору.

У меня была еще мысль, которой обыкновенно не бываетъ у дѣтей: мнѣ совсѣмъ не хотѣлось вырасти, даже больше того — я страшно боялась того времени, когда буду большая, не стану больше ходить въ пансіонъ, и мнѣ придется жить.

„Хотя бы теперешнее время никогда не прошло“, было един-ственное, о чемъ я мечтала, шествуя въ пансіонъ, играя на роялѣ и въ карты съ француженкой, гувернанткой младшихъ.

Мнѣ было хорошо, и я представляла себѣ, что дальше будетъ хуже.

Можетъ быть, иногда потомъ мнѣ было лучше, чѣмъ я себѣ это представляла, боясь вырасти—я слишкомъ уже боялась.

Итакъ, я росла не такой дѣвочкой, какъ многія, и имѣла право спрашивать Луизу Христіановну—не ошиблась ли она.

Но я не любила и даже обижалась, когда одна русская товарка (моя любимая) называла меня чудачкой.

Несмотря на свою бойкость, я была застѣнчива, и мнѣ хотѣлось быть, какъ всѣ.

Когда въ пансіонѣ меня цѣловали чужія дамы, я сгорала отъ стыда и готова была провалиться сквозь землю только, чтобъ не сдѣлать реверанса.

Дѣтскіе балы смущали меня необходимостью войти въ залу, хотя я охотно на нихъ ѣздила.

Застѣнчивость уживалась во мнѣ съ бойкостью и мальчишествомъ съ мыслью о смерти.

Много неразгаданнаго въ человѣческой душѣ, и крайности не всегда одна другую исключаютъ.

Мнѣ не было еще 16-ти лѣтъ, когда, просидѣвъ 2 года въ старшемъ классѣ, чтобъ не кончить 14-ти, я вышла изъ пансіона и вступила въ жизнь, которой такъ боялась.

II.

Во время послѣдняго года, который я проводила въ пансіонѣ, рѣчь все чаще и чаще заходила объ экзаменѣ на домашнюю учительницу.

Въ самомъ пансіонѣ экзаменовъ не существовало.

Въ каждомъ классѣ было такъ мало ученицъ (не болѣе 15-ти), что всѣхъ знали и переводили по годовымъ балламъ. Иногда оставляли, когда ученъе не давалось; случалось, что оставляли и за способность, т. е. слишкомъ юный возрастъ.

Естественно, что вопросъ объ экзаменѣ всѣхъ пугалъ. Держали его далеко не всѣ, спрашивали же другъ друга рѣшительно всѣ.

— Будешь держать экзаменъ?

Когда съ этимъ вопросомъ обращались ко мнѣ, то я неизмѣнно отвѣчала.

— Книги никогда не возьму въ руки.

И я говорила чистосердечно. Мнѣ еще совсѣмъ не приходило въ голову, что я буду дѣлать, когда кончу въ пансіонѣ. Менѣ всего было мнѣ ясно то, что я когда-нибудь заинтересуюсь учебниками. Слишкомъ мало удѣляла я имъ до сихъ поръ вниманія. Но потому-то именно учебники мнѣ еще совсѣмъ не надобли, и моя работа была впереди.

Случилось очень скоро то, о чемъ я совсѣмъ не помышляла.

Въ 16 лѣтъ я была еще слишкомъ молода, чтобъ выѣзжать: надо было подождать годъ. Братья не были болѣе моими товарищами: старшій учился въ лицѣ, второй въ гимназіи, и они продолжали быть мальчиками въ то время, какъ я стала взрослой.

Что оставалось мнѣ дѣлать?

Я купила себѣ программы экзаменовъ и русскіе учебники (въ пансіонѣ всѣ предметы, въ томъ числѣ и ариѳметика, проходились по-нѣмецки). День былъ у меня правильно распредѣленъ, и каждому предмету отведено свое время. Сколько меня ни отговаривали, я брала всѣ предметы главными и приводила аргументомъ то, что главный предметъ можно обратить въ дополнительный, не выдержавъ экзамена, но почему не попробовать, и кому это мѣшаетъ?

Я относилась теперь къ экзаменамъ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ бывало въ пансіонѣ къ балламъ, и совсѣмъ не волновалась. Любимымъ моимъ предметомъ сдѣлалась ариѳметика, которой я совсѣмъ не знала въ пансіонѣ. Мнѣ попался очень хорошій учебникъ Назарова, и я до того увлекалась рѣшеніемъ задачъ, что забывала даже о распредѣленіи своего дня. Память у меня всегда была хорошая и, когда я разъ пришла къ матери съ толстой книгой хронологіи, то оказалось, что я знаю въ этой книгѣ всѣ событія до одного.

И вотъ мы сѣли въ карету и ѣхали въ шестую гимназію. Я ощущала только радость. Меня не охладилъ даже первый экзаменъ—французскій, несмотря на то, что учитель все время ко мнѣ придирался и поставилъ 4. Тотъ же баллъ получила я изъ нѣмецкаго, всѣ же остальные экзамены выдержала на 5. Это случилось рѣдко. Во время послѣдняго экзамена ко мнѣ подошелъ окружный инспекторъ и меня поздравилъ.

Этотъ первый успѣхъ произвелъ на меня впечатлѣніе. Я увѣровала въ свои способности и рѣшила..... поступить въ Цюрихскій университетъ. Одна знакомая барышня дала мнѣ университетскую программу, и я ее хранила какъ самое дорогое, что у меня теперь было. Въ этомъ только заключалась вся моя связь съ университетомъ. Долго, очень долго у меня не было другого отношенія къ Цюриху, какъ эта программа.

Но когда я попробовала разъ объявить о своемъ рѣшеніи матери, то она только разсмѣялась.

То была мать, сочувствовавшая моему желанію учиться, но былъ еще отецъ, ему вовсе не сочувствовавшій.

Ученныя женщины были кошмаромъ отца: онъ ихъ преслѣдовалъ внѣ дома и могъ ли примириться съ ними у себя?

Отецъ только потому отдалъ меня въ нѣмецкій пансіонъ, что тамъ учили меньше, чѣмъ въ гимназіяхъ, а, по его словамъ, не учили естественной исторіи. По его мнѣнію, женщинамъ совсѣмъ не надо было учиться, но такъ какъ не учиться въ XIX в. было нельзя, то онъ и нашелъ палліативъ въ образѣ нѣмецкаго пансіона.

Странно, конечно, что, при такомъ отношеніи къ женскому образованію вообще и къ моему въ частности, отецъ сдѣлалъ изъ меня своего секретаря, не помню, съ какихъ лѣтъ, но кажется, когда я еще была въ пансіонѣ. Я разсылала повѣстки и циркуляры, а позже читала корректуру его изданій. Другой его секретарь, магистрантъ Петербургскаго университета, никогда не оспаривалъ у меня первенства.

Но хотя я собиралась въ Цюрихъ, тѣмъ не менѣе не уяснила себѣ вопроса, чему хочу учиться и чѣмъ стать? Если въ дѣтствѣ меня всего больше интересовала философія, то въ юности привлекало естествовѣдѣніе. Я по-прежнему любила деревню, и мнѣ хотѣлось дѣятельности, гдѣ для женщины будетъ такой же просторъ, какъ и для мужчины. А въ сельскомъ хозяйствѣ они равны, и я всего чаще мечтала о томъ, чтобъ стать агрономомъ.

Далека была отъ меня мысль, что я могу стать кабинетнымъ ученымъ. Въ нашемъ домѣ мнѣ давно надобѣли ученые, и та атмосфера, которой я была окружена, казалась мнѣ скучной. Тѣ подробности, о которыхъ мнѣ приходилось постоянно слышать, представлялись мнѣ ненужными. Сути государственныхъ наукъ я не могла уразумѣть, и онѣ оставались мнѣ чуждыми.

Когда мать давала мнѣ читать экономистовъ, то я только удивлялась тому, что такія книги ей нравятся. Отецъ имѣлъ привычку читать мнѣ свои статьи, и я всегда радовалась, когда онъ кончалъ. Мнѣ было жаль сказать ему, что скучно.

Мать до тонкости изучила спеціальность отца—политическую экономію. Она не только читала Адама Смита (онъ-то и былъ мнѣ особенно противенъ), Ропера, Молиари, Лоренца Штейна, но переводила и академическіе мемуары отца на французскій языкъ. Мать писала по-французски лучше, чѣмъ по-русски.

Ея писательская дѣятельность началась съ фельетоновъ въ „Journal de St.-Petersbourg“. То были критическіе очерки русской литературы, блиставшіе остроуміемъ и возбуждавшіе постоянныя нападки „Гражданина“ благодаря своему либерализму. Еще замѣчательнѣе были ея корреспонденціи въ „Journal des Débats“. Онѣ обращали на себя всеобщее вниманіе, и авторомъ ихъ считали одно время Анат. Леруа-Болье. Она писала ихъ въ теченіе 10-ти лѣтъ и вела одно время этотъ отдѣлъ въ „Revue Suisse“ и въ „Contemporary

Review“ (по-английски). Въ „Rivista Europea“ (издавалъ ее Дегу-бернатисъ) были помѣщены ея статьи о Тургеневѣ и въ „Nouvelle Revue“ о женскихъ типахъ въ русской литературѣ. Можетъ быть, лучшее, что написала мать,—статья въ „Journal des Economistes“ о женскомъ вопросѣ. Она доказываетъ, что ошибаются тѣ экономисты, которые считаютъ освобожденіе женщинъ социалистической теоріей, и что въ политической экономіи не существуетъ аргумента противъ свободы женщины.

Отецъ же, одинаково изучавшій политическую экономію и преподавшій ее въ Александровскомъ лицее и Великомъ Князьемъ, былъ ярымъ противникомъ этой свободы и недалеко ушелъ въ этихъ своихъ воззрѣніяхъ отъ кн. Мещерскаго.

И мать 10 лѣтъ скрывала отъ отца, что она писательница. Ея псевдонимъ „Татьяна Свѣтова“ оставался глубокой тайной (я была въ числѣ 3, 4 посвященныхъ).

Когда эта тайна раскрылась—мать написала дѣтскіе рассказы и подписалась Е. Васильевская и показала ихъ отцу, случилось, что онъ первый началъ расхваливать эти рассказы и написалъ о нихъ рецензію. Особенностью отца было необыкновенно мягкое сердце, сердце не мужское, но горячъ онъ былъ, конечно, страшно, какъ всѣ добрые люди.

Стоицизмъ матери произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Онъ при своей экспансивности не могъ себѣ представить, какъ можно скрывать что-нибудь нѣсколько часовъ, а не только десять лѣтъ.

Я мечтала тѣмъ временемъ о чемъ-то большомъ и захватывающемъ. Миѣ хотѣлось дѣйствовать и творить большое и великое. Великое не умѣщалось у меня въ рамкахъ писанья. Писать было чѣмъ-то черезъ-чуръ обыденнымъ и прозаическимъ въ нашемъ домѣ, гдѣ всѣ писали, начиная съ отца и кончая 10 лѣтней сестрой и 9-лѣтнимъ братомъ, сочинявшими повѣсти.

А я, напротивъ, никогда не писала и не слыла въ семьѣ писательницей—слишкомъ много уже всѣ это дѣлали.

Твердо рѣшено было у меня лишь одно—попасть въ Цюрихъ, а для этого надо было пройти, по моему миѣнію, курсъ мужской гимназіи. И вотъ я взяла программу—вычеркнула то, что знала, и занялась тѣмъ, чего не знала—математикой и древними языками. Алгебра миѣ понравилась—я опять увлеклась рѣшеніемъ задачъ, но геометріи не понимала и никогда не была въ состояніи рѣшить ни одной задачи. Когда же дошла до тригонометріи, то стала совсѣмъ втупикъ. Миѣ казалось, что геометрія построена на какомъ-то чудовищномъ недоразумѣніи—въ чемъ оно, я не могла разъяснить, но для меня это была фиктивная наука.

Древніе языки пошли у меня недурно, только греческій смутилъ на первыхъ порахъ своей азбукой. Второй братъ, всегда первый ученикъ своего класса, мнѣ помогъ, время отъ времени просматривалъ мои переводы и неизмѣнно ставилъ тройки. Больше я не заслуживала, хотя все же подвигалась не совсѣмъ медленно и въ 2 года прочла тѣхъ авторовъ, которые полагается читать въ гимназій. Аттестата зрѣлости мнѣ, конечно, никто не выдалъ, да я о немъ и не помышляла.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ я мало читала за исключеніемъ специальныхъ сочиненій по химіи и ботаникѣ, такъ какъ слушала лекціи Менделѣева и Бекетова на Владимірскихъ курсахъ. Меня возила на эти лекціи мать къ великому ужасу отца, который, съ своей стороны, усердно пропагандировалъ манежъ и балы.

Я ничего не имѣла противъ манежа—лошади вѣдь были съ дѣтства моею страстью и, когда я брала первый урокъ, берейтору и мнѣ казалось, что я провела всю свою жизнь на лошади.

Одинаково не имѣла я ничего и противъ баловъ, хотя танцевала гораздо хуже, чѣмъ ѣдила верхомъ. Въ жизни барышни балы являлись оазисами. Насколько скучны были визиты и разговорные вечера, настолько интересны балы. Только на балу и чувствовала я себя свободной. Самая атмосфера бала казалась мнѣ обаятельной: общее оживленіе, блескъ залы, чудная музыка.

Но однихъ баловъ для моей жизни было мало, и пришелъ тотъ день, когда я вошла въ кабинетъ къ отцу и повела съ нимъ рѣшительный разговоръ.

Я объявила ему, что хочу учиться. Онъ удивился, потому что никакъ не могъ понять, о какомъ ученѣ я говорю.

Но я твердо стояла на томъ, что хочу поступить на педагогическіе курсы.

Отецъ разсмѣялся.

— Ты хочешь быть учительницей. Но какая же ты учительница? объявилъ онъ мнѣ.

Хотя я давно уже учила и крестьянскихъ дѣтей, и сестру съ братомъ и любила учить, но отвѣчала:

— Я не хочу быть учительницей, такъ какъ дѣйствительно думала о совсѣмъ другомъ. Но я знала, что это другое, по его воззрѣніямъ, мнѣ еще болѣе недоступно, и потому-то рѣшила добиваться того, что казалось мнѣ болѣе возможнымъ.

Давно уже направляла я шаги гувернантки на Гороховую, чтобъ лишній разъ взглянуть на милую мнѣ, синюю вывѣску курсовъ.

— Мнѣ только хочется учиться,—очень краснорѣчиво убѣждала я отца, такъ какъ долго готовилась къ этому разговору и обду-

мала всѣ его слова. И онъ внимательно меня слушалъ. Но тутъ явился новый вопросъ.

— Какже ты будешь ходить одна по улицамъ?

Мнѣ было 18 лѣтъ, но я еще никогда не ходила одна. Помню, какъ разъ мать послала за мной къ знакомымъ карету съ лакеемъ, но отецъ нашелъ такую охрану недостаточной и посадилъ въ карету еще гувернантку.

Однако у меня былъ готовъ отвѣтъ. На курсы поступала одна наша сосѣдка по дому, и я объявила отцу, что буду ѣздить съ ней. Л. принадлежала къ очень почтенному семейству, и отецъ неожиданно согласился.

Я пошла объявить матери о томъ, что произошло.

Она была такъ поражена, что мнѣ не вѣрила.

— Какъ могъ онъ позволить!—все повторяла она. Но это невѣроятное случилось, и наступило время конкурсныхъ экзаменовъ.

Я была увѣрена, что ихъ не выдержу, такъ какъ на 40 вакансій желающихъ поступить оказалось 100 и 40 изъ нихъ были съ медалями. Медали меня всего болѣе смущали. Мнѣ почему-то казалось, что должны поступить ихъ обладательницы, а никакъ не я. Мои шансы казались мнѣ ничтожными.

И потому трудно себѣ представить мою радость, когда я была принята и значилась въ спискѣ четвертой. На этотъ разъ мое мѣсто доставляло мнѣ неописанное блаженство.

Итакъ, я вступаю въ храмъ науки достаточно подготовленно: мое домашнее образованіе не оказалось ниже гимназическаго, и блескъ медалей потускнѣлъ къ моихъ глазамъ. Я перестала взирать на нихъ съ прежнимъ благоговѣніемъ и скоро убѣдилась, что многія, имѣвшія медали, знали гораздо меньше тѣхъ, у которыхъ медалей не было.

Наступило славное время.

Передъ мной открылся новый міръ,—міръ университетскаго знанія, хотя собственно курсы не были университетомъ, и изъ преподавателей профессоромъ былъ одинъ В. В. Никольскій. Онъ читалъ въ духовной академіи.

Педагогическіе курсы переживали въ 1875—76 г.г. блестящее время: они были преобразованы, и при нихъ открыта прогимназія взамѣнъ прежней школы, а вѣдь извѣстно, что въ Россіи метутъ особенно чисто только новыя метлы.

Ревностно занимался курсами несомнѣнно талантливый педагогъ, покойный И. Ф. Рашевскій. Мы были первыми слушательницами, учившими въ прогимназіи, и съ своей стороны одинаково старались—усердно посѣщали содержательныя лекціи, много читали и писали дѣльныя сочиненія.

Но лучшимъ на курсахъ были для многихъ изъ насъ лекціи Владиміра Васильевича Никольскаго. Онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умеръ, и у него нѣтъ того имени, которое онъ оставилъ бы, если бы прожилъ дольше. Впослѣдствіи онъ былъ инспекторомъ Александровскаго лицея, и, кажется, недолго.

Кто внимательно слушалъ его лекціи, никогда ихъ не забудеть. Н. не былъ краснорѣчивъ, но то, что онъ говорилъ, было лучше всякаго краснорѣчія. Каждое его слово было продумано и взвѣшено, и основная мысль лекціи была проведена всегда образно и ярко.

Онъ читалъ намъ исторію русской литературы и чего только не вносилъ въ свои курсы. Впервые постигла я смыслъ тѣхъ понятій, которыя прежде оставались для меня мертвой буквой.

Н. объяснялъ намъ, что такое народное самосознаніе, и какъ оно отражается на литературѣ.

Въ литературу, по Никольскому, входили не одни произведенія словесности—она охватывала всѣ плоды просвѣщенія, выражавшіеся въ словѣ.

Помню его лекціи объ эпохѣ Екатерины II. Онъ разъяснилъ, чѣмъ былъ „Наказъ“, и ввелъ насъ въ науку о правѣ. По поводу французскихъ энциклопедистовъ Н. изложилъ вкратцѣ исторію новой философіи.

Я не согласилась съ тѣмъ, что онъ говорилъ о Декартѣ, и когда меня просили какъ-то разъ повторить его лекцію, я передала собственное мнѣніе. А именно Н. называлъ „мысль, слѣдовательно существующую“ Декарта силлогизмомъ. Я же понимала это положеніе въ болѣе широкомъ смыслѣ—для меня оно было не силлогизмомъ, т. е. чѣмъ-то только формальнымъ, а въ этихъ словахъ заключалось цѣлое міросозерцаніе. Впослѣдствіи я узнала, что изложеніе Н. было семинарскимъ, мое же обыкновеннымъ.

Другой нашъ авторитетъ Рашевскій читалъ намъ, будущимъ учительницамъ языковъ, дидактику и методику русскаго языка, разъясняя сущность грамматики и связь русскаго языка съ церковно-славянскимъ. Въ то же время Р. прививалъ намъ гуманное отношеніе къ учащимся.

Занятія въ прогимназіи были организованы образцово. Сначала мы слушали уроки преподавательницъ и разбирали эти уроки на особыхъ конференціяхъ. Каждая изъ насъ представляла письменный отчетъ и имѣла право высказывать свободно свое мнѣніе. Далѣе надо было составить программу собственныхъ уроковъ и выбрать себѣ ассистентокъ. Слѣдовали эти уроки, и за ними опять конференція, на которой дававшая уроки представляла о нихъ отчетъ, ассистентки же дѣлали свои замѣчанія.

Разъ на одну изъ такихъ конференцій пріѣхалъ Осининъ, начальникъ курсовъ. Многія изъ насъ, въ томъ числѣ и я, его не любили за высокомерное обращеніе, неумѣстное въ высшемъ учебномъ заведеніи. Но Осининъ считалъ курсы гимназіей, а насъ ученицами.

На первой же своей лекціи (онъ читалъ педагогику, излагая психологию по Бенеке, но никогда не называя источника) онъ объявилъ намъ, что мы не имѣемъ права пропускать уроки, и насъ будутъ записывать. Этого, кажется, никогда не дѣлалось, да и было некому, а всего чаще пропускали мы уроки именно самого Осинина. И часъ былъ ранній, и его манера спрашивать и заставлять стоять неприятны. Помню, какъ я и сидѣвшая рядомъ со мной В. боялись, что онъ насъ вызоветъ, и этого не случилось съ нами въ теченіе двухъ лѣтъ.

Но вотъ онъ пріѣхалъ на конференцію и какъ разъ, когда я была ассистенткой. Мнѣ пришлось сдѣлать при немъ мои замѣчанія, и я осталась сидѣть, какъ это было заведено на конференціяхъ.

Не знаю, это ли или моя критика не понравилась Осинину, но когда я кончила, онъ объявилъ:

— У всякой медали есть двѣ стороны.

— У насъ здѣсь принято только критиковать, мы никогда не хвалимъ,—быстро возразила я къ всеобщему удивленію.

Осинина на курсахъ очень боялись, и странно прозвучали мои слова начальнику о томъ, что у насъ принято.

Мнѣ не приходило, конечно, въ голову, что это дерзость. Я сказала только то, что знали всѣ, но чего никто бы не сказалъ.

Осининъ промолчалъ, но оказалось вскорѣ, что онъ моихъ словъ не забылъ.

На своемъ урокѣ онъ задалъ классное сочиненіе. Когда въ слѣдующій разъ онъ принесъ то, что мы написали, то въ числѣ первыхъ вызвалъ меня.

Сосѣдка дергала меня за платье, боясь, что я опять не встану.

Но я стояла и слушала.

— Вы не умѣете писать, у васъ встрѣчаются ошибки въ родѣ „не“ вмѣсто „ни“ (въ одномъ мѣстѣ было дѣйствительно переправлено, но другихъ ошибокъ не было),—распекалъ меня начальникъ и поставилъ 7. Сочиненіе это относилось къ педагогикѣ, а не къ русскому языку. И такая мечь показалась всѣмъ мелкой, такъ какъ всѣ знали, что я не могла написать на 7. Осининъ уронилъ себя въ глазахъ слушательницъ, и промолчала на этотъ разъ я.

У него была еще одна черта, которая одинаково не заслужи-

вала уваженія. Онъ дѣлалъ выговоры наставникамъ при слушательницахъ.

Всего чаще приходилось выносить такое обращеніе старушкѣ-надзирательницѣ, единственной на всѣ курсы. Что могла она подѣлать съ бурлившей молодежью? Мы пользовались большою внѣшней свободой, проводили скучныя лекціи въ корридорѣ и не всегда входили въ классъ по звонку.

Наши бесѣды въ корридорѣ, такъ называемыя журъ-фиксы, были гораздо полезнѣе скучныхъ лекцій, и старушка поступала умно, оставляя насъ въ покоѣ.

Разъ Осининъ набросился на учителя французскаго языка за то, что на его урокъ мы собрались не всѣ сразу.

Это былъ тотъ самый Флёрн, который училъ меня въ пансіонѣ (лекторъ университета). Здѣсь не онъ не слушалъ, а не слушали его. Какъ свою бывшую ученицу, онъ меня особенно отличалъ и читалъ мои сочиненія вслухъ.

В. П. Острогорскій, преподававшій иностранную литературу, поставилъ мнѣ за годовое сочиненіе 11. То былъ большой ударъ моему самолюбію. Я просидѣла надъ этимъ сочиненіемъ всю зиму, перечитала не только указанные О. десятки источниковъ, но и многое другое и написала 100 большихъ страницъ. Не мало заставили меня страдать мои „Страданія молодого Вертера“. Я ожидала слова поощренія и не получила даже полнаго балла!

Итакъ, я бездарность, полная бездарность, приходило мнѣ нередко въ голову.

Не понимаю до сихъ поръ, отчего это случилось? Неужели причиной служило то, что мои взгляды не сходились съ воззрѣніями учителя? О. подчеркнул тѣ мѣста, гдѣ не былъ со мной согласенъ, а я думала вотъ что.

„Неужели развитіе заключается въ томъ, чтобы повторять сказанное учителемъ. Развѣ нельзя сказать что-нибудь другое? Меня поражала такая узость, и я всего менѣе прощала ее тому, кто былъ на словахъ поборникомъ свободы. Какая нетерпимость и непоследовательность! И съ пыломъ молодости я долго помнила, что меня обидѣли.

На второй годъ я не могла себя заставить заниматься у О. и даже не прочла того произведенія, которое онъ всю зиму разбиралъ въ классѣ; кажется, то было „Домби и сынъ“ Диккенса; къ тому же онъ слишкомъ растягивалъ свои объясненія, все что-то обѣщая, а на самомъ дѣлѣ повторяя старыя фразы: то былъ катехизисъ либерализма и, по моему мнѣнію, О. совершенно напрасно опошлялъ хорошее.

На этотъ разъ я написала два сочиненія—оба въ одинъ вечеръ прямо набѣло, какъ писала, бывало, въ пансіонѣ. На этотъ разъ я получила 12, и это меня нѣсколько успокоило. И такъ, 12 Острогорскаго оказались для меня величиной достижимой, хотя и не далось за цѣлый годъ труда. Это все же было несправедливо, а съ несправедливостью я какъ-то не мирюсь. Много еще такихъ 11 пришлось мнѣ получить въ жизни и всегда, по моему мнѣнію, когда я ихъ не заслуживала.

Острогорскій считался нашимъ курсомъ преподавателемъ изъ среднихъ (раньше и, можетъ быть, и позже его ставили выше всѣхъ), а были совсѣмъ плохіе, въ особенности историки. Они читали старыя записки и дремали сами, а, подражая имъ, и мы. Я же была занята. Литографированныхъ записокъ у насъ тогда не существовало, тѣ же, которыя были въ ходу изъ года въ годъ, у меня не доставало терпѣнія переписывать, потому что въ нихъ заносилось буквально все отъ слова до слова. И потому я писала только главное и прямо въ тетрадь перомъ. Мои записки никому не годились, но я приготовлялась по нимъ къ экзаменамъ въ нѣсколько часовъ.

Экзамены я выдержала хорошо и кончила второй. Первой была моя сосѣдка по скамейкѣ В. Когда мы переходили на старшій курсъ, Рашевскій называлъ насъ лучшими. Это было удивительно, потому что во время его уроковъ мы неизмѣнно молчали. Молчали на вопросы „что такое подлежащее?“ и т. п., ибо понимали, что Р. даетъ новыя опредѣленія, и старыя уже никуда не годятся. Молчали еще потому, что не любили вставать и слышать, какъ насъ называютъ просто по фамиліямъ. Когда къ намъ относились не какъ къ барышнямъ, мы чувствовали себя неловко.

Разъ пришлось щегольнуть тѣмъ, что мы—барышни.

Старшій курсъ былъ приглашенъ на балъ къ принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. Это случилось впервые во все время существованія курсовъ и составляло событіе. Старушка-надзирательница учила насъ добросовѣстно тому, какъ себя держать, и даже реверансамъ.

Но мы болѣе, чѣмъ оправдали ея надежды. В. танцевала съ маленькими великими князьями, а я кадрили съ ненавистнымъ мнѣ Осиннымъ. Собственно кавалерами были приглашены ученики коммерческаго училища, поражавшіе неотесанностью и неумѣньемъ танцевать рядомъ съ нами. Наверху о насъ было сказано, что мы приличіе даже институтокъ, и больше педагогическіе курсы никогда уже не приглашались съ коммерческимъ училищемъ, а всегда съ лицеемъ и правовѣдніемъ.

В. и я держались вдали от учителей. Мы даже досадовали, когда любимого Никольскаго мучили послѣ лекціи,—вѣдь онъ усталъ, и зачѣмъ ему надоѣдаютъ! И въ числѣ этихъ жаждущихъ поговорить съ учителями была обыкновенно Л., съ которой я ѣздила на курсы.

Отецъ не любилъ, чтобъ опаздывали къ обѣду, и потому я уѣзжала одна. Теперь уже давно было предано забвенію, что я не могу ходить одна по улицамъ, хотя кромѣ курсовъ я нигдѣ и не бывала.

Вся моя жизнь сосредоточивалась тамъ. Очень хорошо сложились товарищескія отношенія, такъ какъ было много развитыхъ дѣвушекъ, съ которыми я сошлась. У меня существовала, впрочемъ, одна слабость: я не могла видѣть слушательницу, чтобъ съ ней не познакомиться и, когда приходила на курсы, то здоровалась со всѣми, потому что всѣхъ знала. В. не мало трунила надъ „моей популярностью“. А я не прощала ей замкнутости или „аристократизма“, по моимъ словамъ. Когда у насъ затѣвалось какое-нибудь общее дѣло и нужны были депутатки, выбирали всегда меня, а я тащила за собой ее. Она сердилась и соглашалась только, чтобъ отъ меня отвязаться.

Общественное служеніе не доставляло ей ни малѣйшаго удовольствія, толпа пугала. Извѣстная замкнутость была и во мнѣ—я сторонилась старшихъ, но меня тянуло къ товарищамъ. Это какое-то органическое чувство, сильнѣе меня самой.

И сколько я испытала горя отъ того, что меня тянуло къ людямъ, какъ къ своимъ.

Но на курсахъ жилось хорошо, и эти счастливыя страницы жизни никогда не изглядятся изъ моей памяти.

Когда первый разъ въ жизни я вошла въ классъ, чтобъ дать пробный урокъ, то почувствовала себя совсѣмъ свободной. Моя ассистентка, баронесса К., у которой была собственная школа, даже попросила меня ее поучить.

Я разсмѣялась и объяснила, что никогда еще не учила въ классѣ. Мнѣ кажется, что умѣнье учить нельзя передать, какъ и многое другое. Это даръ природы.

Сущность хорошаго преподаванія заключается въ томъ, чтобъ видѣть въ классѣ цѣлое и всегда имѣть передъ собой это цѣлое. Тогда классъ будетъ заинтересованъ, и дисциплина сведется на нѣтъ.

Мнѣ было предложено мѣсто образцовой учительницы русскаго языка въ прогимназіи при курсахъ. Мѣста этого всѣ добивались, а я должна была отказаться.

То, что я не буду учительницей, было обѣщано отцу и, когда

подходило время къ окончанію курсовъ, онъ даже увѣрялъ, что уѣдетъ изъ Петербурга, если я буду учительницей.

Итакъ, мнѣ пришлось отказаться, а къ Цюриху я не приблизилась ни на шагъ.

Когда я читала свѣдѣнія, сообщаемыя о студенткахъ заграничныхъ университетовъ, у меня сжималось сердце. „Есть же такія счастливицы“, думалось мнѣ, и ихъ становилось съ каждымъ годомъ все больше, а я все сидѣла въ Петербургѣ и вѣрно просижу тутъ всю жизнь.

Цюрихъ былъ теперь окруженъ въ моихъ глазахъ не только ореоломъ,—къ его блеску прибавились острия иглы. Давно забросила я программу, такъ какъ одинъ ея видъ заставлялъ меня страдать еще сильнѣе.

И, кончивши курсы, я опять обратилась въ ненавистную мнѣ куклу—барышню.

Разкажу только одинъ эпизодъ, который случился со мной два года позже.

Въ 1878 г. былъ открытъ 3-й курсъ, и говорили, что дадутъ особыя права тѣмъ, которыя его кончатъ. Я проводила зиму съ бабушкой въ уѣздномъ городѣ, но мнѣ захотѣлось записаться. Когда пришло время экзаменовъ, я достала записки и приѣхала въ Петербургъ экзаменоваться.

Я прекрасно выдержала всѣ экзамены—оставался послѣдній—русская исторія.

Почему-то 2-й и 3-й курсы были соединены, и мнѣ пришлось сидѣть нѣсколько часовъ и слушать, какъ отвѣчаетъ 2-й курсъ. Это было нѣчто ужасное. Экзаменаторъ до невозможности придирался, слушательницы терялись и отвѣчали плохо вовсе не потому, что не приготовились. Я переживала всѣ эти муки издѣвательства надъ людьми, которые не могли собой овладѣть и объявить, что все знаютъ.

И вотъ дошла очередь до меня. Рѣчь шла о какой-то войнѣ. Не успѣла я сказать двухъ фразъ, какъ меня прервалъ экзаменаторъ:

— Вы же говорили, что война велась изъ-за Аравіи, а теперь увѣряете, что причиной войны явились курды.

— Желаніе овладѣть Аравіей было причиной войны, возмущеніе курдовъ явилось поводомъ къ ней,—объяснила я спокойно и продолжала прерванный разговоръ.

Онъ очень скоро меня опять перебилъ.

— Зачѣмъ были нужны туркамъ нѣмецкіе офицеры?

— Чтобъ реорганизовать армію.

— А вы сейчас сказали „чтобы вести войну“.

— Развѣ одно мѣшаетъ другому, по-прежнему невозмутимо отвѣчала я. Реорганизованная армія была нужна, чтобъ воевать.

— Если вы будете продолжать такъ мнѣ отвѣчать, я перестану васъ спрашивать,—вспыхнувъ, объявилъ учитель.

— Какъ вы хотите,—спокойно сказала я, положила на столъ билетъ и ушла изъ класса.

Когда я пріѣхала домой, меня всѣ спросили, что случилось и почему я такая счастливая?

— Выдержала экзаменъ?.

Но выдерживала я ихъ много, и къ этому давно всѣ привыкли.

— Не выдержала,—разсказывала я съ восторгомъ. Вечеромъ, въ концертѣ, я встрѣтила одну изъ экзаменовавшихся со мной, и она мнѣ разсказала, какъ долго не могъ прійти въ себя П., и что онъ поставилъ мнѣ 7.

Учитель отказался экзаменовать меня еще разъ и такимъ образомъ я не получила аттестата объ окончаніи 3-го курса. Все равно правъ этого аттестатъ не давалъ никакихъ.

Отецъ сообщилъ мнѣ, что инцидентъ былъ гдѣ-то описанъ—учителя бранили, а меня хвалили.

Какъ я была счастлива, что отомстила. „Можетъ быть, это оставитъ другихъ“, мечтала я.

М. Безобразова.

